

Новая подборка.

Михаэль ШЕРБ, Дортмунд (Германия)

ВСЁ БЫЛО

Опоздал

Пахнут тускло и лекарственно
В школьной книге клёст и ель,
И скользит походкой царственной
Прописная буква «л».

«Ох, давление высокое!
Двести тридцать, надо сбить!»

Наш сосед, Абрам Исаакович,
Просит чайник вскипятить.

Значит, ноги будет парить он.
Так бывало много раз:
Стул поставит на линолеум,
А ступни поставит в таз,

И закатит брюки тщательно,
Примостится на краю,
И направит в таз из чайника
Кипячённую струю.

Закрываю книжку школьную, -
Клёст и ёлка подождут, -
И на кухню коммунальную
Чайник вскипятить иду.

Возвратился я с искомым,
А в дверях – базар-вокзал,
Жу-жу-жу, как насекомые...
Что ж, понятно, опоздал...

Монолог внука

В 12 лет вместе со школой
Я был на экскурсии в Дахау, во время которой
В одном из залов
увидел свою фамилию, но отец сказал мне,
Что это ошибка, часто встречающаяся в иностранной прессе.
Коменданта Освенцима звали не Хёссе, а Хессе,
Вот дерьмо, ругался отец, там всё ещё написано «Хёссе»!
Я им дважды писал, они обещали разобраться в этом вопросе!
Впрочем, путаница с «е» и «ё» происходит нередко.
Не волнуйся, сын, у нас не было такого предка.

Может, ему от деда отказываться было и больно,
Но он работал в дирекции завода «Вольво».

И бабка говорила, что она ничего не знала.
На ней нет никакой вины.
Дед был честный солдат, директор тюрьмы.

Только как-то нечаянно
Она проговорила, что теплицы находились совсем рядом с печами.

И, представьте, даже
приходилось отмывать овощи и фрукты от сажи.

Ничего не знала, ни о чём не догадывалась...

Но однажды, возвращаясь из пекарни,
Она увидела на новоприбывшем парне
Куртку, и курточка эта так ей понравилась,
Что она не справилась с искушением
И подала в комендатуру прошение...

Знаете, что для меня в этом самое страшное?
Эту курточку я в 70-х донашивал.

Рыба-фиш

Закат стекал по черепицам с крыш,
И на столе стекались брызги в струйки:
Я рыбу потрошил на рыбу-фиш,
Сдирал с неё блестящие чешуйки.

Срывал скребком, как сотни покрывал,
Как тысячи прозрачных оболочек,
Потом от мяса кожу отделял:
Нервущийся серебряный чулочек.

Чтобы филе на фарш перемолоть
Бросал в комбайн, а там, вертясь по кругу,
Ножи рубили розовую плоть
И смешивали с золотистым луком.

Часы спустя, в кухонной полумгле,
Я догадался, где у смерти жало...

А рыба-фиш на праздничном столе,
Прекрасней, чем живая, возлежала!

Человек в плаще

Чего больше в конвертах – симметрии или тайны?
А в зеркалах – жизни или летального?
Тополиный пух превращает брусчатку площади в плов.
Ложечки крестов позвякивают в чашечках куполов.
Руки туч ложатся на плечи высотных домов.

На повороте трамвай щебечет.
Проходит по улице мускулистый вечер
С голым блестящим торсом,
Спускается к пирсу.
Девочки на скамейке едят из коробки пиццу:
Кусочки теста цветом похожи на черепицу,
Кусочки теста сгибаются под тяжестью томатов и сыра...
Вдруг понимаешь, что стал гражданином мира,
Как невозвращенец-ветер. Что всё равно где
Засыпать-просыпаться: Венеция, Дортмунд, Пловдив...
Я стал человеком в плаще,
Не кем-то конкретным – вообще,
Солдатиком на параде,
Прообразом в чьём-то сне.
Быть может, случайное радио,
Чужое бессонное радио
Помолится обо мне?

Хандра

Пиши, шурши, карябай, помело,
Скреби по коже улицы тюленьей.
Октябрь, и жёлтых листьев намело
Чуть больше, чем за лето впечатлений.

Хоть ото дня осталась только треть, -
И ту похитил дождик вороватый.
Так холодно, что хочется гореть,
Так муторно, что хочется в кровать и
Закрыть глаза, и вплоть до солнца спать,
Птенцом зарывшись в пухе пеликаньем.

Мне надоело корни здесь пускать.

Недели заболели заиканьем:
«Среда-воскрес-реда-воскре-среда».

С небес стекает чистая вода
На тротуар, и окон стеклотара
Уже полна. Вот новая волна –
И дом расклеился, и дом распался на
Квадраты, как у Пикассо гитара.

На домны Дортмунда легла ночная мгла.

Как в октябре легла, так и не встала,
Неделями лежит, и стеклотала,
Тьфу, стеклотара окон уж полна.

Анлоп жу ноко аратол кет суфът –
Должно быть так всё выглядит снаружи:
Не прочитать, но отражает суть
Той истины, что обнаружил в луже
(In aqua veritas): «Когда темно и стужа,
Поэзия есть способ не уснуть.»

Всё было

Всё было: и комнаты классные,
И скука, и недомогание
бегонии на подоконнике,
И глаз удлинённых, как гласные,
От резкого света моргание,
И осень, и запах антоновки.

Эпоха распада и тления,
Запретов объятия тесные,
И пола затеи телесные,
Греховные переплетения,
Излишние, словно на вырост,
Как будто бы кто-то внутри
Другой мне на смену вырос,
И выйти стремился наружу,
Как бабочка, бился во рту,
Навек опустевшем для речи, -
Откроешь - январскую стужу
Он впустит в жильё человечье
И призрачность, и немоту.

С тех пор он, кори – не кори,
Живёт в моей тёмной крови
И требует вдоха иного.
Он стрелкой дрожит меж людьми,
От южного полюса боли,
До северного - любви,
И тычется теменем в горло,

Но он же – дарует мне лёгкость,
И он же – поддержит под локоть,
Поднимет, как утренний кофе,

Михаэль Шерб. "Всё было";

Автор: Новые стихи
28.05.2021 11:00

Согреет не хуже, чем кофта,
И слово надежды запомнит,

А если меж душ или тел
Заметит малейший пробел,
То тут же его и заполнит.

